

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-200-213>

УДК 81'37

ББК 81.411.2-02

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. И. В. Якушевич
г. Москва, Россия

© 2022 г. Л. В. Маркина
г. Москва, Россия

ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ СИНИЦЫ: ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация: Статья посвящена диалектным номинациям синицы. Цель исследования заключается в реконструкции их внутренней формы, которая определяет не только название того или иного вида синицы, но и символическое значение слова. В первой части статьи анализируется внутренняя форма самого слова *синица* и ряда диалектных названий птицы. Большинство номинаций мотивированы окраской оперенья (*синюшка, зеленушка, чернец, пчеляк*), запоминающимися деталями, например хохолком (*барашек*) или «усами» (*бородавка*), «вокальными» данными (*зенчик, зензивер, каян*) и сезонной активностью (*ледоломка, зимушка*). При реконструкции внутренней формы слов авторы во многом опирались на исследования ученых-орнитологов. Во второй части статьи рассмотрены символические значения слова *зинька*. Под символизацией подразумевается процесс опредмечивания перцептивно-обобщенным образом или его деталями некоей другой, мало исследованной человеком абстрактной реальности ('зрение', 'свет', 'звук', 'душа' и пр.). В слове *зинька* внутренняя форма обусловлена синкретичным общеславянским корнем *zě- (или *zi), в котором две семы — 'отверстие' и 'быстрота' — мотивировали следующие символические значения: *зинька* материализует 1) солнечный свет, 2) воспринимающее его человеческое зрение, 3) звук и распространяемую им весть. Символическое значение 'солнечный свет' подвергается последующему (по цепочке) мифологическому осмыслению и становится источником еще двух символических значений — 4) 'время' и 5) 'счастье'. Источником символического значения 6) 'охота и рыбалка' является народная этимология.

Ключевые слова: синица, диалектизм, внутренняя форма, этимологическое значение, народная этимология, символическое значение.

Информация об авторах:

Ирина Викторовна Якушевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1, 129226 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

E-mail: sa1107@yandex.ru

Людмила Витальевна Маркина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1, 129226 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0391-0029>

E-mail: markina.lv@mail.ru

Дата поступления статьи: 03.04.2021

Дата одобрения рецензентами: 26.04.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Якушевич И. В., Маркина Л. В. Диалектные названия синицы: внутренняя форма слова и символическое значение // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 200–213. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-200-213>

Введение и методология

Современная унификация культурного пространства в социально-экономической сфере грозит растворением национального менталитета в общепланетной техногенной цивилизации. Противостоит этому процессу все возрастающий интерес к диалектному наследию, хранящему память славянской культуры и передающему последующим поколениям «самобытное мироощущение, — национально-специфический взгляд на отношение к миру, к другим людям, позволяя тем самым сохранять национальную идентичность» [17, с. 95; 18, с. 245]. Синица — всенародно любимая птица, о чем свидетельствует большое разнообразие ее диалектных названий, частое упоминание в пословицах, загадках и приметах; ей посвящен праздник — день Зиновия-синичника. К сожалению, в лингвистике мало работ, посвященных диалектным номинациям синицы [13], символическому значению этих слов [8, с. 739–740].

Научно-методологическую основу настоящего исследования составили работы, посвященные 1) внутренней форме слова: А. Н. Афанасьева, А. А. Потевни, В. Н. Топорова, А. А. Зализняк; 2) лингвосемиотическому анализу символа: Р. Барта, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, В. И. Карасика; 3) орнитологическим наблюдениям за синицей: А. Н. Формозова, Г. П. Дементьева и Н. А. Гладкова.

В классическом учении А. А. Потевни внутренняя форма слова — это этимологическое значение, являющееся источником символа. Сложность понимания этой концепции заключается в двухкомпонентности внутренней формы: 1 — перцептивный образ предмета, представленный в совокупности его признаков, их набор у каждого народа и для каждого предмета индивидуален; 2 — «ближайшее этимологическое значение», в основу которого лег только один из признаков [16, с. 90]. К примеру, за словом *синица* стоит зрительный образ небольшой юркой птицы семейства воробьиных с опереньем, где преобладают желтый, синий, зелено-голубоватый и черный цвета. Среди множества признаков (летать, свистеть, собираться в стайки, как все воробьиные) только один стал этимологом — ‘синий’. Это и есть, по А. А. Потевне, внутренняя форма слова *синица*. Она возникла из отношения эмпирического образа птицы и семы ‘синий’, которая и мотивировала выбор целой группы диалектных названий синицы: *синигóлка* (Урал), *сíник* (Кубань), *сíнка* (*сíночка*), *сíнушка* (Свердл.), *сíньшек* (Тобол.), *синюшка* (Яросл., Новг., Арх., Перм., Том.) [25, т. 37, с. 328, 331, 333, 336, 340].

Однако далеко не у всех синичек есть в оперении синий цвет: всего в фауне России 15 видов синиц, и только у лазоревки ярко-голубая головка, крылья, а также синевато-черная уздечка и горлышко [10, с. 732, 742]. Важно, что в древнерусском

языке не только темно-голубой цвет называли синим. В словаре И. И. Срезневского отмечено значение «темный, иссиня-черный» или просто черный цвет [24, т. 3, с. 355], часто встречающийся в оперении многих видов синиц, в частности у самых известных из них — большой синицы, гаички и московки. В русских говорах на территории Мордовии, где синичку называли *чернёц*, именно черный цвет мотивирует название птицы: *Зъ акошкѣм чирницы лятают. Зимой им хъладно, естъ нечивѣ. Надъ хъть зернышкѣф чирницам бросить. У нас синиц чирницами зовут* [23, Т–Я, с. 169].

Этимологический подход к пониманию внутренней формы незаменим для непроизводных слов. В случае, если слово имеет какую-либо «деривационную историю», то его внутренняя форма часто отождествляется со словообразовательной мотивацией: «внутренняя форма слова — это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т. е. образ или идея, положенные в основу номинации» [12, с. 48].

Внутренняя форма ряда диалектных названий синиц

Рассмотрим некоторые диалектизмы, в которых удалось реконструировать внутреннюю форму. Особое значение для интерпретации мотивированности диалектизмов имело привлечение орнитологических данных об окрасе синиц и их полевых признаках.

Зеленушка [25, т. 11, с. 249]: эта птица относится к семейству вьюрковых, но в Tobol. и Свердл. так называли и большую синицу — единственный тип, имеющий в оперении зеленовато-оливковый окрас.

Двоехвосткой [25, т. 8, с. 184] на Среднем Урале называли длиннохвостую синицу: ее хвост действительно раздваивается своеобразной «рогаточкой». Но главное — он состоит из длинных перьев белого (нижний ярус) и черного (верхний ярус) цветов, так что кажется, будто у птицы два хвоста.

Длиннохвостую синицу в Яросл. называли также *венецѣйкой*, как и желтую трясогузку [25, т. 4, с. 113]. По мнению А. Е. Аникина, диалектизм мотивирован словом *венецѣйка* со значением ‘сорт тафты’ — шелковой ткани самых разных оттенков — птицы названы по цветовому сходству [1, т. 6, с. 241–242]. На Руси восточная шелковая тафта могла появиться только в зажиточных домах как основа для золотого шитья, и проникновение называющего ее слова в разговорную диалектную среду маловероятно. Возможно, окраска длиннохвостой синицы, единственной из видов, имеющей в своем оперении палитру розового цвета от бледного до вино-красного оттенка (тем более что именно розовая и красная тафта были особо востребованы) действительно ассоциировалась с одним из видов шелка. Однако неясно, почему *венецѣйкой* называли еще и желтую трясогузку и что ее объединяет с длиннохвостой синицей.

Более вероятно, что источником мотивации является слово *венец* из прасл. **věpъsь* (‘венец, венки’). Самцов желтой трясогузки и длиннохвостой синицы объединяют черные и белые «повязки» на глазах, своего рода «венки». Последний вид можно включить в этот список с оговоркой: коричнево-черные полосы над глазами (или за ними) имеют только молодые особи, а у взрослых птиц длиннохвостой синицы вся головка белая [10, с. 796].

«Повязка» на глазах — семантический признак, который мотивирует внутреннюю форму оренбургского диалектизма *слепух*. Помимо длиннохвостой синицы — *длиннохвостого слепуха* — различали *большого слепуха* (лазоревку белую) и *синего слепуха* (лазоревку зеленую) [25, т. 38, с. 269]. У некоторых видов птиц на глазах была черная «шапочка»: самая длинная — у большой синицы, или *желтого слепуха*, покороче — у московки, или *черного слепуха*.

Бородáвка — это усатая синица (*Panurus biarmicus*) (Астр.) [25, т. 3, с. 110]. Название мотивируется производящим словом *борода*: у самца этого вида под клювом и глазками спускаются на шею пучки черных перьев — «усы», или черная «борода», выделяющаяся на ярко-белом фоне [10, с. 790].

Барашек — ярославская метафора хохлатой синицы (*Pares cristatum* L.). Ее пушистая серо-белая головка с торчащим двойным хохолком напоминает рожки маленького барашка. Кроме того, эти светло-коричневые птицы, круглые и пушистые, действительно напоминают ягнят. Для сравнения: на основе семы 'пушистый' *барашками* в Яросл. называли также цветы ивы, вербы и сережки у березы [25, т. 2, с. 109, 110].

Пчеляк — еще одна метафора синицы, но уже в русских говорах Мордовии: *Птица синица. Пчеляки, они веть летъм ни бывают, фсе большъ зимой видны* [23, О–П, с. 313]. Сочетание черного и желтого цветов в оперении птицы сравнимо в народном сознании с окрасом пчелы.

Казначейка — вятское название большой синицы, мотивированное словом *казна*, которое в этом регионе обозначало казенный лес: *У нас в казне есть малина* [25, т. 12, с. 321].

Кузя (кузька) — пермское название синицы [25, т. 16, с. 29]. Предположительно, что диалектизм происходит от коми-пермяцкого слова *кӧз* — 'ель' [5, с. 191] с учетом огубления и превращения в [у] отсутствующего в русском языке звука [э], близкого по звучанию к [jo]. С большой вероятностью, *кузя* — это московка или гаичка. Известный российский орнитолог А. Н. Формозов по результатам многолетнего наблюдения за синицами сделал вывод о теснейшей биологической связи между елью и поведением птиц: именно гаичка и московка селятся в хвойных лесах, стремясь к оседлости. В течение года они, подобно белкам, непрерывно запасают на зиму еловые семена. Для этого птицы тщательно запихивают их под кору или за отщепы ветвей ели, сосны или пихты. Короткие миграции стаек синиц обусловлены урожайностью еловых семян [30].

Несколько названий синичек — *мясничок* (Амур.), *мясоедка* (Тобол.), *сальница* (Пск.) и *сальнюшка* (Яросл.) [25, т. 19, с. 88, 89; т. 36, с. 69, 70] мотивированы таким качеством большой синицы, как поедание животной пищи: насекомых, падали, сала в кормушке [10, с. 730].

Символическое значение слова «синица» и «зинька»

Диалектное слово может быть рассмотрено как символ, так как оно «обладает способностью концентрировать в себе, сохранять и реконструировать память о своих предшествующих контекстах» [16, с. 617]. Внутренняя форма слова — один из важнейших источников символического значения.

При лингвосемиотическом моделировании символа выделяются три его компонента и две ступени означения: (1) звукобуквенная форма слова — (2) перцептивный образ предмета как совокупность самых разнообразных (в том числе и непонятных) признаков денотата — (3) символическое значение. Так, в определении Р. Барта важна мысль о двойном означении символа: языковой знак сам является означающим для более отвлеченного значения [4]. В определении А. Ф. Лосева уникальна идея об орудийной функции перцептивного образа, который материализует и семантически конструирует новую абстрактную и еще не освоенную человеком реальность [15, с. 201, 202].

Под символизацией мы будем подразумевать процесс означения (ассоциативного опредмечивания) перцептивно-обобщенным образом или его деталями некоей

другой, мало исследованной человеком, чаще абстрактной реальности ('зрение', 'мир', 'смерть', 'душа', 'плодородие' и пр.) [33, с. 56–83]. Полученное в результате значение и следует называть символическим. Сам факт чувственного опредмечивания абстрактного означаемого есть главный признак мифологического мышления. Причем миф понимается широко: и как осколок древней языческой легенды, и как «форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности» [11]. Для примера вернемся к слову *синица* и рассмотрим его как символ, состоящий из трех компонентов.

(1) Означающим символа является его звукобуквенная форма [с'ин'иць] / *синица*.

(2) — это указанный выше зрительный образ птицы, но не только: синица имеет множество самых разнообразных признаков: внешних (форма, цвет), поведенческих, звуковых, географических (среда обитания). Именно в процессе семантизации денотата и выявляется тот единственный признак, который определил выбор номинации для называния предмета и который стал мотивирующим для символического значения. Для слова *синица*, как уже отмечалось выше, это синий цвет.

(3) Для мотивации символического значения понимание этого цвета должно быть не обыденное, а мифологическое. В мифологическом сознании древнего человека синий не столько монохромный цвет, сколько сияние неба (родственно слову *сиять*), исходящего из него света [29, т. 3, с. 625]. Поэтому, как и многие птицы (ласточка, жаворонок, орел и др.), синица опредмечивала солнечный огонь [21, с. 308], а сочетание желтого и синего цвета в ее ярком оперении мотивируют это символическое значение. Значение синицы как источника света и огня заключено в русской пословице: *Хвалилась синица, что море зажжет* [9, т. 2, с. 222].

Другой источник символического значения — народная этимология, наиболее частотная в разговорной диалектной среде. Это совмещение двух созвучных, этимологически чуждых корней (один из них чаще всего заимствован из другого языка). Однако звуковое совпадение корней не единственное, что связывает их. В. Н. Топоров считал, что выбор народом негенетического этимона для мотивации слова обнажает глубокое, «подъязыковое», значение, выводимое непосредственно из внеязыкового мира и произвольно вносимого в структуру языкового знака [27, с. 42]. Выбор этого значения не случаен, поскольку он отражает глубинные мифолого-ассоциативные связи с историческим корнем. Народная этимология сосуществует с генетической и не противоречит ей. Тогда можно говорить о том, что у слова может быть несколько «актуальных для языкового сознания внутренних форм» [12, с. 53].

Диалектизм *зинька* встречается в Вят., Симб., Оренб. [25, т. 11, с. 283]. В. И. Даль считал, что *зинька* — это гаичка, самая маленькая и подвижная синичка [9, т. 1, с. 683]. Однако в оперении гаички нет ни желтого, ни синего цвета. В. В. Бианки, знаменитый детский писатель и орнитолог Зоологического музея РАН, описал *зиньку* как «белощековую, с желтой грудкой и длинным черным галстуком до самого хвостика» птичку [7, с. 46]. Это большая синица, распространенная повсеместно. Именно В. В. Бианки слово *зинька* обязано своей популярностью: Зинька стала главной героиней повести-сказки «Синичкин календарь» — произведения, любимого и знакомого с детства, поскольку сказка была включена как в советские, так и в современные учебники по родной речи. Выделим несколько символических значений слова *зинька* и определим их источник.

1. 'Солнечный свет'

Об этом значении мы писали в связи корнем *син-* и его древнерусским значением 'сиять'. Считается, что корень «зинь» был отождествлен народной этимологией

с корнем *син-* ('синий') [14, с. 360]. Значение света, огня корня *зин-* заложено в диалектном слове *зинуть* в значении 'загореться, вспыхнуть': *Сперва у их на задворье сено зинуло*. (Вят.) [25, т. 4, с. 196].

2. 'Зрение'

Это значение мотивировано глаголом *зинуть* — 'раскрыть что-либо' [24, т. 2, с. 88]. Этимологическим «зерном» являются две семы 'отверстие' и 'быстрота', которые определили в книжном древнерусском языке две семантические ветви этого слова: 1) раскрыть рот (*зевать, зевака*), а также разверзнуть землю; 2) молниеносно наброситься на кого-либо или неожиданно вырваться наружу (например, о небесной молнии) [26, т. 5, с. 392]. Семы отверстия и быстроты характеризуют как зрение — отверстие глаза и быстроту взгляда, так и звукоизвлечение — отверстие рта и неожиданность крика. Первым мотивировано символическое значение 'зрение', вторым — 'крик, предсказание'.

Этимологически родственны лексемы *зинуть, зиять, зеница, зинька* [29, т. 2, с. 94, 98], которые мотивированы о.-с. корнем *zě- или *zi, восходящим к и.-е. *g'hē 'зевать, зиять' [31, т. 1, с. 322, 324]. В разговорной диалектной среде корень *зин-* более последовательно реализует в однокоренных словах значение отверстия, быстроты и зрения. Так, в глаголе *зинуть* сема быстроты реализована в значении 'выстрелить' (Печор.), а сема зрения — в значении 'взглянуть с удивлением' и 'посмотреть на кого-либо дурным глазом с целью причинить зло': *зинули у мя девку-ту* (Ср. Урал.). В словаре В. И. Даля также подчеркивается значение сглаза: *Люди на лес не зинут, лес не сгинет. Касьян завистливый (лихой) на что ни зинет, все сгинет*. [9, т. 1, с. 680, 682–683]. В екатеринбургском слове *озэить* совмещены значения: 'глазеть' и 'зевать, быть ротозеем' [25, т. 23, с. 88]. В ряде говоров слова с корнем *зин/зен-* обозначали глаза: *зиньки* (Дон.), *зиньы* (Казан.: *Я в те зиньы наплюю*), *зэно* (Арх.), *зэны* (Костр.), *зэнка* (Новг.), *зэнички* (Ирк.), *зэночки* (Смол.) [25, т. 11, с. 283, 263].

Символическое значение зрения связано с языческим отождествлением солнечного огня и органа зрения, глаза, воспринимающего свет. По этой же причине *глазами* и *зенком* называли окна избы. Птица, и синица в частности, принадлежит к стихии неба, а значит, имеет непосредственное отношение к свету и зрению. Кроме того, синица, особенно гаичка и московка, по своей природе юркая птица, что в народном сознании ассоциируется с быстротой солнечного луча. А. Н. Афанасьев о связи птицы и зрения писал: «Стремительность света, скорый полет птицы и мгновенная передача предметов глазом порождали одно общее понятие о быстроте, и потому как солнце олицетворялось в виде птицы, так и "глаза" народная загадка изображает в такой метафоре: "сидит птица, без крыльев, без хвоста; куда ни взглянет — правду скажет"» [2, с. 164–165]. Итак, второе символическое значение 'зрение' обусловлено этимологическим значением корней *zě- или *zi.

3. 'Звук, весть'

Значение мотивировано одной из семантических ветвей корней *zě- или *zi — значением 'зевать, открывать рот': *Зиня, не ходи разиней* [9, т. 1, с. 417]. Слово *зинуть* имело значение 'закричать': *Чтоб супротив меня раба божия, Тита не мог ни зинуть, ни пикнуть* (заговор) [25, т. 11, с. 283]. В Ирк. *зинуть* — значит запеть громко и выразительно, во весь голос: *А пели-то! У нас тятя запоем — аж тайга кололась! Или у кого собяремся да как зинем-зинем!* [3, т. 18, с. 92, 93]. Семантика звука, заложенная этимологически в корне *зин-*, поддерживается звукоподражательными ассоциациями в словах: *зинзивёр* (Казан.) [25, т. 11, с. 283], *зэничик*: *зэничик звенит зень-зень, зимой*

остаецца тута [19, с. 187]. Интересно, что общеславянский корень *zi есть в польском (*sikora*) и чешском (*sykorka*) названии синицы. Этимологически эти слова восходят к общеслав. глаголу *sykati — ‘шипеть’ [34, с. 177; 35, с. 654].

Доминирует семантика звука и во внутренней форме слова *кая'н* — архангельского названия хохлатой синицы [25, т. 13, с. 156]. Вероятнее всего, слово заимствовано из коми *kaĭ* «небольшая птица» [29, т. 2, с. 216]. Но возможна и другая версия: от глагола *káyti* со значением в Арх. ‘ругаться, бранить’ [32, т. 9, с. 116]. Известно, что традиционное «си-си-си» хохлатой синицы сопровождается характерной только для этого вида хрипловатой непрерывной трелью, трудно передаваемой человеческим голосом и, по-видимому, воспринимаемом в народе как «ругань» [10, с. 754].

В мифологическом мышлении звуки, издаваемые синицей, становятся вещим «словом», доброй или дурной вестью. По народному поверью, синица может сказать, быть ли задуманному, ждаты ли счастья или беды: *Ведает она и смехом и слезами и знает ласковое верное слово*. Именно поэтому синицу еще называли *девятислóвой* [6]. Например, во Влад. ее пение предвещает несчастье, в Витебск. губернии синица, влетевшая в окно, предвещает беду, а в амбар — смерть [8, с. 741].

4. ‘Время’

Значение вторично по отношению к ‘солнечному свету’. А. Ф. Лосев писал о символе как о самопорождающей модели, продуцирующей цепочку означающих и означаемых [15, с. 86]: (1) [з’ин’кь] — (2) ‘синий’ — (3) солнечный свет — (4) время — (5) зима, весна, осень. Символическое значение времени заключено в русской загадке, где синица обозначает неделю:

Вырос куст из четырех мест
На том кусту двенадцать гнезд,
В каждом гнезде по четыре **синицы**,
У каждой синицы по четырнадцать яиц:
Семь беленьких да семь черненьких с куст из четырех мест (год, месяц) [22, с. 375].

Неразрывна символика времени и солнца, управляющего годовым и суточным циклом. Традиционно синица — вестник весны. Семантика весны, возможно, заложена во внутренней форме: по одной из версий, название большой синицы — звукоподражание характерному и узнаваемому пению самца «си-си-сю, си-си-сю» весной. В другое время у нее иные позывные, как, например, у старых птиц «пинь-пинь» или у молодых «ти-ти-ти» [10, с. 731].

Новосиб. синица *ледоломка* названа по существительному *ледолом* — весеннему празднику, когда на больших реках начинается ледоход: *Синичку ледоломкой звали: как прилетит, значит, ледолом начнется скоро* [25, т. 16, с. 323]. Поскольку синица остается зимовать, она символизирует и холодные времена года — осень и зиму. Это отражено в русских приметах: *В сентябре синица просит осень в гости / В сентябре слышна песенка синицы во дворе / Синица — осень, в гости просит* [27] / *Запели синички с утра — жди к ночи мороза*. В Перм. синицу называли *зимúшкой* за то, что оставалась зимовать [25, т. 11, с. 282].

5. ‘Житейское счастье, удача’

Как и предыдущее символическое значение, это тоже результат цепочечной символизации: (1) [з’ин’кь] — (2) ‘синий’ — (3) солнечный свет — (4) счастье. О связи солнца и счастья А. Н. Афанасьев писал: «Как светило вечно чистое, ослепительное

в своем сиянии, пробуждающее земную жизнь солнце почиталось божеством благим, милосердным... имя его сделалось синонимом счастья <...>. Синий есть древнейший эпитет молнии, блеск которой отождествлялся с синими огоньками, перебегающими по красным угольям догорающего очага» [2, с. 67, 283].

Живущая зимою рядом с человеком, синица противопоставлена перелетным птицам: *Хоть тресни синица, а не быть журавлем* [9, т. 2, с. 316]. Синица приносит маленькое житейское счастье, близкое и доступное, не всегда правильно оцененное. В то время как журавль или соловей, улетающие в Ирий, приносят большое счастье, но недоступное: *Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки!* / *Синица в руках лучше соловья в лесу. Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки!* [9, т. 1, с. 145].

6. 'Охота и рыбалка'

Это символическое значение связано с именами священномученика епископа Егейского Зиновия, и его сестры Зиновии, живших в III в. в Каппадокии. На Руси в день памяти этих святых, 30 октября (по старому стилю), отмечали Синичкин день — праздник прилетевших на зиму синиц, щеглов, чечеток, свиристелей, снегирей и др. Птиц много, но особенно почитали *зиньку*: народная этимология отождествляла корень *зин-* в словах *зинька* и *Зиновий*. Этот праздник назывался день Зиновия-синичника. Русский Зиновий был покровителем охотников и рыболовов. В этот день охотились на зайца, а в Сибири иртышские рыбаки ловили красную рыбу. Охота и рыбалка начиналась с молитвы Зиновию. В дохристианской Руси просили помощи у лешего, подносили ему подарки. Если договор с духом леса не заключить, то удачи в охоте не будет, да и леший мог сбить с пути или наслать болезнь.

Заключение

Синица мотивировано словом *синий*: корень *син-* этимологически имел значение 'сияние' и обозначал синеву, излучающую свет. В древнерусском языке *синий* обозначало также черный цвет, отличающий окраску многих видов синиц.

Внутренняя форма диалектизмов мотивирована особенностями внешних (*зеленушка, барашек, двоехвостка, бородавка* и др.) и поведенческих (*каян, мясоедка, зинзивер* и др.) признаков синицы, а также сезона ее почитания (*ледоломка, зимушка*).

Диалектное слово *зинька* имеет множественную мотивацию, а следовательно, и несколько внутренних форм. Часть из них обусловлено словом *зинуть*, в основе которого лежит семантически синкретичный о.-с. корнем *zě- или *zi-, восходящим к и.-е. *g'hē 'зевать, зиять'. Семь отверстия и быстроты определи два символических значения — «зрение» и «звук, весть». Народная этимология — другой источник символического значения диалектизма *зинька* — связывает корень *зин-* со словами *синий* и *Зиновий*, тем самым мотивируя два других символических значения: 'солнечный свет' и 'охота, рыбалка'. Символическое значение 'солнечный свет' подвергается последующему (по цепочке) мифологическому осмыслению и становится источником еще двух символических значений — 'время' и 'счастье'.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Амур. — Амурская область

Арх. — Архангельская губерния (область)

Астр. — Астраханская губерния (область)

Витебск. — Витебская губерния (область)

Влад. — Владимирская губерния (область)

Вол. — Вологодская губерния (область)

Вят. — Вятская губерния
 Дон — Область войска донского
 Енис. — Енисейская губерния
 Ирк. — Иркутская губерния (область)
 Казан. — Казанская губерния
 Кубань — Кубанская область
 Курск. — Курская губерния (область)
 Новг. — Новгородская губерния (область)Новосиб. — Новосибирская область
 Оренб. — Оренбургская губерния (область)
 Перм. — Пермская губерния (область)
 Печор. — бассейн реки Печора
 Пск. — Псковская губерния (область)
 Свердл. — Свердловская обл.
 Сиб. — Сибирь
 Симб. — Симбирская губерния
 Смол. — Смоленская губерния (область)
 Ср. Урал — Средний Урал
 Тобол. — Тобольская губерния
 Том. — Томская губерния, область.
 Яросл. — Ярославская губерния (область)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН: Ин-т Сибирского отделения РАН, 2014. Вып. 8. 352 с.
- 2 Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 1. 800 с.
- 3 Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. Иркутск: [б. и.], 2011. Т. 8. 536 с.
- 4 Барт Р. Миф сегодня // Семиотика. Поэтика. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 72–130.
- 5 Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкий словарь. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
- 6 Белов Н. В., Третьякова О. В., Тверитинова Н. В. Русский Народный календарь. Обычай, поверья, приметы на каждый день. М.: Метафора, 2006. 607 с.
- 7 Бианки В. В. Синичкин календарь. М.: Малыш, 1973. 54 с.
- 8 Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- 9 Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с. Т. 2 447 с.
- 10 Дементьев Г. П., Мекленбурцев Р. Н., Судиловская А. М., Спангенберг Е. П. Птицы Советского Союза: в 6 т. М.: Сов. наука, 1954. Т. 5. 480 с.
- 11 Жбанков М. Р. Миф // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с. URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (дата обращения: 31.03.2021).
- 12 Зализняк А. А. Внутренняя форма слова // Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 46–56.

- 13 *Красовская Н. А.* Названия синицы в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2018. С. 205–211.
- 14 *Крылов Г. А.* Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфслужба, 2005. 432 с.
- 15 *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
- 16 *Лотман Ю. М.* Память культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 614–621.
- 17 *Маркина Л. В.* О семантике бранных обозначений человека в современной диалектной коммуникации // Филологический сборник в честь юбилей профессора Л. И. Осиповой. М.: Московский гос. пед. ун-т, 2015. С. 95–102.
- 18 *Маркина Л. В.* Гендерные стереотипы диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций женщин) // Русистика и компаративистика. Сб. науч. тр. по филологии. М.: ООО «Книгодел», 2019. С. 245–254.
- 19 *Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д.: Тип. Кубполиграфа, 1929. Вып. 6. 416 с.
- 20 *Потебня А. А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
- 21 Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке. М.: Книгодел, 2019. С. 306–320.
- 22 *Сахаров И. П.* Сказания русского народа: в 2 т. / сост. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 1. 800 с.
- 23 Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 1993. Вып. О–П. 320 с. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2006. Вып. Т–Я. 252 с.
- 24 *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. Т. 2. Ч. 2. 980 с. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. Т. 3. Ч. 1. 910 с.
- 25 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46). Л.: Наука, 1968. Т. 2. 361 с. Л.: Наука, 1968. Т. 3. 360 с. Л.: Наука, 1969. Т. 4. 366 с. Л.: Наука, 1972. Т. 8. 370 с. Л.: Наука, 1976. Т. 11. 363 с. Л.: Наука, 1977. Т. 12. 367 с. Л.: Наука, 1977. Т. 13. 358 с. Л.: Наука, 1980. Т. 16. 376 с. Л.: Наука, 1983. Т. 19. 359 с. Л.: Наука, 1987. Т. 23. 375 с. СПб.: Наука, 2003. Т. 37. 415 с. СПб.: Наука, 2004. Т. 38. 372 с.
- 26 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 1–29. Вып. 8. 352 с.
- 27 *Топоров В. Н.* О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–40.
- 28 *Уваров Н. В.* Энциклопедия народной мудрости. М.: Инфра-Инженерия, 2009. 583 с.
- 29 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
- 30 *Формозов А. Н.* Мелкие синицы таежных лесов и значение в их жизни урожаев семян ели // Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания / гл. ред. и автор предисл. А. А. Насимович. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2010. С. 118–127.
- 31 *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. 622 с.

- 32 Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–39. М.: Наука, 1983. Вып. 9. 197 с.
- 33 Якушевич И. В. Семантико-семиотическая модель символа «пчела» // Филологический сборник в честь профессора Л. И. Осиповой. М.: Московский гос. пед. ун-т, 2015. С. 161–172.
- 34 Mańczak W. Polski słownik etymologiczny. Kraków: [б. и.], 2017. 238 s.
- 35 Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2009. 794 s.

© 2022. Irina V. Yakushevich

Moscow Russia

© 2022. Ludmila V. Markina

Moscow Russia

DIALECTAL NAMES OF TITMOUSE: INNER FORM OF THE WORD AND SYMBOLIC MEANING

Abstract: The paper addresses the dialect nominations of titmice. The purpose of the study is to reconstruct their internal form, determining not only the name of a particular type of titmouse, but also the symbolic meaning of the word. The paper starts with analyzing the internal form of the word titmice and dialect names of this bird. Most of the nominations are motivated by the color of the operculum (*sinyushka*, *zelenushka*, *chernec*, *pcheljak*), memorable details, such as a tuft (*barashek*) or “mustache” (*borodavka*), “vocal” data (*zenchik*, *zenziver*, *kayan*) and seasonal activity (*ledolomka*, *zimushka*). When reconstructing the internal form of words, the authors largely relied on the research of ornithologists. The second part of the paper touches upon the symbolic meanings of the word *zinka*. Symbolization refers to the process of objectification a perceptually generalized image or its details of some other abstract reality, little explored by man (‘vision’, ‘light’, ‘sound’, ‘soul’, etc.). In the word *zinka*, the internal form is due to the syncretic common Slavic root *zě- (or *zi), in which two semes — ‘hole’ and ‘speed’ — motivated the following symbolic meanings: *zinka* materializes 1) sunlight, 2) human vision perceiving it., 3) sound and the message it spreads. The symbolic meaning of ‘sunlight’ undergoes subsequent (along the chain) mythological interpretation and becomes the source of two more symbolic meanings — 4) ‘time’ and 5) ‘happiness’. The folk etymology acts as a source of the symbolic meaning of 6) ‘hunting and fishing’.

Keywords: Titmouse, Dialecticism, Inner form the Word, Etymological Meaning, Folk Etymology, Symbolic Meaning.

Information about the authors:

Irina V. Yakushevich — DSc in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines, Moscow Pedagogical State University, 2nd Selskokhoziajstvenny Pass, 2, 129226 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

E-mail: sa1107@yandex.ru

Ludmila V. Markina — DSc in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines, Moscow Pedagogical State University, 2nd Selskokhoziajstvenny Pass, 2, 129226 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0391-0029>

E-mail: markina.lv@mail.ru

Received: April 03, 2021

Approved after reviewing: April 26, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Yakushevich I. V., Markina L.V. Dialectal Names of Titmouse: Inner Form of the Word and Symbolic Meaning. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 200–213. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-200-213>

REFERENCES

- 1 Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow, The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS: Siberian Branch of the Russian RAS Publ., 2014. Vol. 8. 352 p. (In Russian)
- 2 Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu: v 3 t.* [Poetic Beliefs of the Slavs about Nature: in 3 Vols.]. Moscow, Indrik Publ., 1994. Vol. 1. 800 p. (In Russian)
- 3 Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baikalskoi Sibiri: v 20 t.* [Dictionary of Dialects of Russian Old-timers of Baikal Siberia: in 20 Vols.]. Irkutsk, 2011. Vol. 8. 536 p. (In Russian)
- 4 Bart R. Mif segodnia [Myth Today]. In: *Semiotika. Poetika* [Semiotics. Poetics]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovoykh Publ., 2004, pp. 72–130. (In Russian)
- 5 Batalova R. M., Krivoshchekova-Gantman A. S. *Komi-permiatskii slovar'* [Komi-Perm Dictionary]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985. 624 p. (In Russian)
- 6 Belov N. V., Tret'iakova O. V., Tveritinova N. V. *Russkii Narodnyi kalendar'. Obychai, pover'ia, primety na kazhdyi den'* [Russian Folk Calendar. Customs, Beliefs, Signs for Every Day]. Moscow, Metafora Publ., 2006. 607 p. (In Russian)
- 7 Bianki V. V. *Sinichkin kalendar'* [Titmouse Calendar]. Moscow, Malyshev Publ., 1973. 54 p. (In Russian)
- 8 Gura A. V. *Simvolika zivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbols of Animals in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russian)
- 9 Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t.* [Proverbs of the Russian People: in 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. Vol. 1. 431 p. Vol. 2. 447 p. (In Russian)
- 10 Dement'ev G. P., Meklenburtsev R. N., Sudilovskaia A. M., Spangenberg E. P. *Ptitsy Sovetskogo Soiuza: v 6 t.* [Birds of the Soviet Union: in 6 Vols.]. Moscow, Sovetskaia nauka Publ., 1954. Vol. 5. 480 p. (In Russian)
- 11 Zbankov M. R. Mif [Myth]. *Noveishii filosofskii slovar'* [The Latest Philosophical Dictionary]. 2nd ed., corr. Minsk, Knizhnyi Dom Publ., 2003. 1280 p. Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (Accessed 31 March 2021). (In Russian)
- 12 Zaluzniak A. A. Vnutrenniaia forma slova [Internal Form of a Word]. In: *Mnogoznachnost' v iazyke i sposoby ee predstavleniia* [Polysemy in Language and Ways of its Presentation]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 46–56. (In Russian)

- 13 Krasovskaia N. A. Nazvaniia sinitsy v russkikh govorakh [Titmouse Names in Russian Dialects]. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. St. Petersburg, The Institute for Linguistic Studies of the RAS Publ., 2018, pp. 205–211. (In Russian)
- 14 Krylov G. A. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Poligrafusluga Publ., 2005. 432 p. (In Russian)
- 15 Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Issue of the Symbol and Realistic Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 367 p. (In Russian)
- 16 Lotman Iu. M. Pamiat' kul'tury [Memory of Culture]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2000, pp. 614–621. (In Russian)
- 17 Markina L. V. O semantike brannykh oboznachenii cheloveka v sovremennoi dialektnoi kommunikatsii [On the Semantics of Abusive Designations of a Person in Modern Dialectal Communication]. In: *Filologicheskii sbornik v chest' iubilei professora L. I. Osipovoi* [Philological Collection in Honor of the Anniversary of Professor L. I. Osipova]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2015, pp. 95–102. (In Russian)
- 18 Markina L. V. Gendernye stereotipy dialektnoi kommunikatsii (na materiale brannykh nominatsii zhenshchin) [Gender Stereotypes of Dialect Communication (on the Material of Abusive Nominations of Women)]. In: *Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnykh trudov po filologii* [Russian Studies and Comparative Studies. Collection of Scientific Papers on Philology]. Moscow, OOO “Knigodel” Publ., 2019, pp. 245–254. (In Russian)
- 19 Mirtov A. V. *Donskoi slovar'. Materialy k izucheniiu leksiki donskikh kazakov* [Donskoy Dictionary. Materials for the Study of the Vocabulary of the Don Cossacks]. Rostov-na-Donu, Tipografiia Kubpoligrafa Publ., 1929. Vol. 6. 416 p. (In Russian)
- 20 Potebnia A. A. *Mysl' i iazyk* [Thought and Language]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 300 p. (In Russian)
- 21 *Ptitsa kak obraz, simvol, kontsept v literature, kul'ture i iazyke*. [Bird as an Image, Symbol, Concept in Literature, Culture and Language]. Moscow, Knigodel Publ., 2019, pp. 306–320. (In Russian)
- 22 Sakharov I. P. *Skazaniia russkogo naroda: v 2 t.* [Legends of the Russian People: in 2 Vols.], comp. O. A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2013. Vol. 1. 800 p. (In Russian)
- 23 *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviia* [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia]. Saransk, N.P. Ogarev's National Research Mordovia State University, 1993. Vol. O–P. 320 p. Saransk, N. P. Ogarev's National Research Mordovia State University Publ., 2006. Vol. T–Ia. 252 p. (In Russian)
- 24 Sreznevskii I. I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam: v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments: in 3 Vols.]. St. Peterburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1902. Vol. 2. Part 2. 980 p. St. Peterburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1912. Vol. 3. Part 1. 910 p. (In Russian)
- 25 *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects], ed. by F. P. Filin (Vols. 1–23), F. P. Sorokoletov (Vols. 24–46). Leningrad, Nauka Publ., 1968. Vol. 2. 361 p. Leningrad, Nauka Publ., 1968. Vol. 3. 360 p. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Vol. 4. 366 p. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. 8. 370 p. Leningrad,

- Nauka Publ., 1976. Vol. 11. 363 p. Leningrad, Nauka Publ., 1977. Vol. 12. 367 p. Leningrad, Nauka Publ., 1977. Vol. 13. 358 p. Leningrad, Nauka Publ., 1980. Vol. 16. 376 p. Leningrad, Nauka Publ., 1983. Vol. 19. 359 p. Leningrad, Nauka Publ., 1987. Vol. 23. 375 p. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. Vol. 37. 415 p. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. Vol. 38. 372 p. (In Russian)
- 26 *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. T. 1–29* [Dictionary of the Russian Language 11th – 17th Centuries. Vols. 1–29]. Moscow, Nauka Publ., 1981. Vol. 8. 352 p. (In Russian)
- 27 Toporov V. N. O nekotorykh teoreticheskikh osnovaniakh etimologicheskogo analiza [On some Theoretical Foundations of Etymological Analysis]. In: *Issledovaniia po etimologii i semantike* [Research on Etymology and Semantics]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 19–40. (In Russian)
- 28 Uvarov N. V. *Entsiklopediia narodnoi mudrosti* [Encyclopedia of Folk Wisdom]. Moscow, Infra-Inzheneriia Publ., 2009. 583 p. (In Russian)
- 29 Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 Vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986. Vol. 2. 672 p. (In Russian)
- 30 Formozov A. N. Melkie sinitsy taezhnykh lesov i znachenie v ikh zhizni urozhav semian eli [Small Titmice of Taiga Forests and the Importance of Spruce Seed Yields in their Life]. In: *Zveri, ptitsy i ikh vzaimosvazi so sredoi obitaniia* [Animals, Birds and their Relationship with the Habitat], ed. and introd. by A. A. Nasimovich. 2nd ed. Moscow, LKI Publ., 2010, pp. 118–127. (In Russian)
- 31 Chernykh P. Ia. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 Vols.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1993. Vol. 1. 622 p. (In Russian)
- 32 *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksicheskii fond. Vyp. 1–39* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund. Vols. 1–39], ed. by O. N. Trubacheva. Moscow, Nauka Publ., 1983. Vol. 9. 197 p. (In Russian)
- 33 Iakushevich I. V. Semantiko-semioticheskaiia model' simvola “pchela” [Semantic-semiotic Model of the Symbol “Bee”]. In: *Filologicheskii sbornik v chest' professora L. I. Osipovoi* [Philological Collection in Honor of Professor L. I. Osipova]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2015, pp. 161–172. (In Russian)
- 34 *Mańczak Witold. Polski słownik etymologiczny* [Polish Etymological Dictionary]. Kraków, 2017. 238 p. (In Polish)
- 35 Rejzek J. *Český etymologický slovník* [Czech Etymological Dictionary]. Praha, Leda Publ., 2009. 794 p. (In Czech)